

Среда, 17 Января 1967 г.

№ 50.

Одобрѣніе Плеаторовъ

Интервью съ Элеонорой Дуза.

Римский корреспондент провинціальной газеты „Голосъ Жизни“ описываетъ свою встречу и бесѣду съ знаменитой Дуза, гастролирующей теперь въ Римѣ.

„Большая комната. Дуза вся въ черномъ сидитъ предо мной въ большомъ креслѣ. Она говоритъ... въ звукахъ ея слышится плескъ ея родныхъ лагуль, тихій ропотъ голубой Адриатики.

Ея глаза сегодня какъ то особенно свѣтятся, лицо, вся она дышетъ благородствомъ, величіемъ.

Это лицо, эти глаза не имѣютъ себѣ равныхъ.

Она говоритъ о Д'Аннунціо.

Каждое ея слово это восторженное поклоненіе его таланту.

„Я рѣдко теперь выступаю въ его произведеніяхъ здоровье не позволяетъ и это меня сильно удручаетъ. Недавно я играла въ Берлинѣ слѣбую въ его: „La città morta“ („Мертвый городъ“) и послѣ этого не могла цѣлую недѣлю выступать. Да, мое здоровье все ухудшается, я это чувствую. Это моя послѣдняя побѣда по Европѣ. Я собираюсь скоро и въ Америку. Простившись и съ Новымъ Свѣтомъ я предаюсь покою“...

Послѣднія слова она произноситъ съ неподдѣльной грустью и нѣсколько минутъ молчитъ.

— Сумете ли вы навсегда разстаться со сценой?

— Не знаю. Этимъ лѣтомъ я жила въ Швейцаріи, я чувствовала себя очень плохо. Я твердо рѣшила больше не выступать. Но къ концу лѣта, когда я почувствовала себя лучше, меня потянуло на сцену... мои образы казались мнѣ, плачутъ, зовутъ, меня... и я пошла. Но это моя послѣдняя побѣда, здоровье не позволяетъ. Вотъ и нѣсколько дней тому назадъ, послѣ того что я здѣсь играла, я себя чувствовала разбитой, больной. Магда меня всегда волновала, а теперь я болѣю послѣ каждого раза, когда ее играю“.

Она снова умоляетъ...

Она встаетъ и нѣсколько минутъ ходитъ по комнатѣ. Тихо раздаются шаги этой величественной фигуры въ черномъ. Такими должны были быть древне-римскія матроны, такой должна была быть мать Гракховъ, такъва была, быть можетъ, Беатриса.. Она садится, и я жажду, что она сейчасъ прерветъ это молчаніе. Но при первыхъ же звукахъ ея голоса, я безконечно радъ, что снова слышу ея голосъ.

Она заговорила о Россіи, о ея литературѣ. Она очень любитъ Горькаго и съ большимъ интересомъ его читаетъ.

„Я читаю теперь „Дѣти солнца“ и Лиза, эта несчастная Лиза, доставляетъ мнѣ много горя. Какой ужасъ...“

— Да, вамъ нужны солнце, „Дѣти солнца“ чтобы разсѣять „Власть тьмы“. „Presente de la senebga“... Два раза произноситъ она послѣднее слово и снова молчитъ мгновенье.

Долго говорили мы о „Трехъ сестрахъ“ Чехова. „Не знаю, не знаю, можетъ быть еще выступлю въ этой пьесѣ, можетъ быть.. не здоровье“, здоровье.

„Русскій языкъ очень звучный и всегда напоминаетъ мнѣ мой итальянскій.

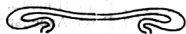
Скажите, прочтите что нибудь, прошу васъ“.

Я читаю „Сакія-Муни“ — Мережковского. Она прислушивается къ каждому слову, стараясь понять содержаніе, не зная его.

«Красиво, сильно, очень красиво. Когда я вижу нашего знаменитаго Цакконни въ роли Кузовкина *) — я всегда сожалею, что онъ не можетъ играть эту роль по русски».

Дуза низко опускаетъ голову и сидитъ съ закрытыми глазами. Когда она снова подымаетъ голову, ея глаза еще больше свѣтятся еще ярче горятъ. Я встаю и начинаю прощаться.

Она проситъ остаться, но я чувствую, что она утомлена и ухожу»...

*) «Надѣльникъ» — Тургеневъ.